

УДК 316.443

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД)

В.И. ГЛАЗКО

(РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева)

Рассматриваются вопросы самоидентификации страны, взаимосвязи между структурой общества и динамикой его экономического развития. Представлен авторский взгляд на специфику социальной структуры Российской империи, выдвигается гипотеза о цикличности процессов стратификации. Анализируются особенности трансформационных процессов в России во второй половине XIX— первой половине XX века.

Ключевые слова: стратификация, общество, Россия, экономическое развитие.

Социальные катаклизмы XX в. (революции 1905, 1917 гг., гражданская война, нэп, коллективизация, индустриализация и т.д.) свершились не потому, что страна была в состоянии глобального перманентного кризиса, как считают многие исследователи, а потому, что государство и общество не смогли ответить на вызовы времени, в т.ч. справиться с процессом модернизации и самоидентификации¹. Поиск оптимальных путей перехода от традиционного общества к индустриальному инициировался властью и не находил отклика в широких слоях общества. Появлявшиеся в результате очередных трансформаций российского социума отдельные новые черты вступали в конфликт с наследием предшествующих трансформаций, шло глобальное, крайне болезненное изменение ментальности как отдельных слоев населения, так и общества в целом.

Любому живому организму, в т.ч. и социуму, присущ инстинкт самосохранения, в период революций, войн и смут именно он обеспечивает сохранение государственности. Наглядным примером данного положения может служить поведение в годы великого террора советских людей, которые на чисто биологическом уровне стремились выжить в сложившихся аномальных условиях их существования, что достигалось порой ценой отказа от всех моральных норм и отчасти гарантировалось лояльностью по отношению к власти любой ценой, включая дистанцирование от политики. Аномальность и алогичность существования советского социума проявлялась и в четкой политически заданной тенденции выталкивания за пределы нового российского общества представителей «старых сословий», так называе-

¹ Согласно классической теории А.Тойнби общество должно ответить на вызов Логоса [21].

мых «бывших». К ним была причислена дореволюционная инженерно-техническая интеллигенция вместе с учеными различных областей знаний, без активной деятельности которых любая страна продуктивно развиваться не может. При этом во властных структурах советского общества присутствовало значительное число лиц, вышедших из «дореволюционных спецов» в качестве министров, секретарей обкомов и т. д. Но эта социальная группа совнаселения являлась молчаливой единицей, как и подавляющее большинство остальных граждан СССР. Данный пример свидетельствует о «биологической» основе трансформационных процессов (в отличие от европейских — социально-экономических), характерных для России в первой половине XX в.

Великие катаклизмы, периодически потрясающие Россию, ассоциируются со временем освоения европейскими переселенцами Америки. Россия все время как бы оказывается на новом «диком континенте» с новыми правилами игры, не выходя за рамки одного и того же географического пространства, при этом ментальность не успевает «подстроиться» под новые обстоятельства. Общество берет с собой в новую трансформированную страну, в изменившиеся условия жизни старые реликты власти и методы политических манипуляций, считая, что они должны эффективно работать в совершенно неприспособленной для них новой среде.

Ряд исследователей полагает, что конфликт традиции и современности (модернизации) является характерной чертой российского общества, которую можно рассматривать как системный дефект трансформационных процессов. Можно считать, что каждый очередной кризис российского социума является кризисом его развития. Сам по себе он не ведет к революциям, а лишь создает для них предпосылки или только их возможность [17]. Реальностью они становятся в силу внешних обстоятельств — военных поражений, трудностей военного или переходного времени (как во время первой мировой войны). Но самое главное в их реализации — ожесточенная борьба за власть между оппозиционной общественностью, опирающейся на недовольные ухудшившимися обстоятельствами жизни широкие слои населения, и властными структурами.

При этом нельзя не учитывать и того, что менталитет россиян связан с традиционными крестьянскими представлениями, которые основывались на общинно-православных взглядах сельских жителей на жизнь. Русский крестьянин² вплоть до первой русской революции считал, что все люди равны перед Богом и царем и внутри общины все должны быть во всем равны: иметь равные права и обязанности, одинаковый достаток и т.д.; отклонения ведут к греху и потере уважения: «Богатство перед Богом грех, а бедность — перед людьми», [12, с. 330]. И дело здесь не только в том, что крестьяне составляли более 90% населения Российской империи, но и в том, что менталитет рабочих отражал парадигмы крестьянского сознания, на которых строилась жизнь сельской передельной общины, а также частично-ремесленного цеха и мещанской общины. Данная ментальность спровоцировала, а затем спонтанно двигала российскими беспорядками 1905 г. Она была искусно использована большевиками как в период Октябрьского переворота, так и в период проведения коллективизации и, по нашему мнению, именно она стала одной из причин распада СССР.

² Известный русский экономист М.И. Туган-Барановский отмечал и такую черту «аграрного класса» как враждебность «фабрике и росту промышленного капитализма» [13, с. 520].

Типы стратификации социума

Согласно общепринятому мнению, в социальной стратификации устанавливается определенная социальная дистанция между людьми (социальными позициями) и выстраивается иерархия из социальных слоев. Таким образом, фиксируется неравный доступ членов общества к тем или иным социально значимым дефицитным ресурсам путем установления на границах, разделяющих социальные страты, социальных фильтров. Например, выделение социальных слоев может осуществляться по уровням доходов, образования, власти, потребления, характеру труда, проведению свободного времени. Выделенные в обществе социальные слои оцениваются в нем по критерию социального престижа, выражающего социальную привлекательность тех или иных позиций [4].

По мнению современных социологов, самой простой стратификационной моделью является дихотомическая — деление общества на элиты и массы. В некоторых из самых ранних, архаических социальных систем структурирование общества на кланы осуществляется одновременно с проведением социального неравенства между ними и внутри их. По мере усложнения (структурирования) общества происходит параллельный процесс — встраивания социальных позиций в определенную социальную иерархию [4]. Так появляются касты, сословия, классы и страты (большинство ученых рассматривают страты как элемент социальной структуры, объединенный неким общим социальным признаком, например, имущественным, профессиональным или иным). Сословная структура европейского общества была характерна для стран Европы с IV по XIV в. Она отличалась жесткой иерархией; главных сословий было три: духовенство, дворянство и крестьянство. Активно сословия начали «размываться» уже с XIV в.

В настоящее время ученые выделяют три основные модели стратификационных систем: западная, восточная и смешанная. Западную модель схематично можно представить в виде геометрической фигуры, в которой по численности правящий класс примерно равен низшему, а самым многочисленным в таких обществах является средний класс. Восточную можно представить в виде пирамиды: образующие ее группы различаются объемом власти, богатства, престижа, а самым многочисленным является низший класс. По существу, это самая древняя стратификационная система. Около пяти тысяч лет назад она была установлена в Индии и сохранилась до наших дней, хотя и в несколько измененном виде. Ее особенностью является жесткость границ между стратами и практической невозможностью перехода из одной в другую (отсутствие социальных лифтов).

Социальная стратификация достаточно стабильна, и когда в силу каких-либо причин рушатся границы между стратами, рождаются новые элементы социальной системы, тогда возникают риск превращения населения в неорганизованную массу и предпосылки для социальных потрясений и революций.

Современные представления о сложившейся в обществе стратификационной модели, достаточно сложны — многослойны (полихотомические), многомерны (осуществляются по нескольким осям) и вариативны (допускают порой существование множества стратификационных моделей): цензы, квоты, аттестация, определение статуса, ранги, льготы, привилегии, другие преференции.

Основоположник русской социологии П. Сорокин определял разделение социума на группы как результат дифференциации труда, а неравенство входящих в них людей — как следствие отношения этих групп к полученному общественному продукту. Именно он обратил внимание исследователей на такое явление как социальная

мобильность. Согласно определению ученого "под социальной мобильностью понимается любой переход индивида, или социального объекта, или ценности, созданной или модифицированной благодаря деятельности, от одной социальной позиции к другой"[20].

Однако не всегда социальные агенты перемещаются с одной позиции на другую, возможно перемещение самих социальных позиций в социальной иерархии, такое перемещение называется "позиционная мобильность" (вертикальная мобильность) или в пределах одного и того же социального слоя (горизонтальная мобильность). Наряду с социальными фильтрами, устанавливающими барьеры социальному перемещению, в обществе существуют и "социальные лифты", значительно ускоряющие этот процесс (в кризисном обществе — революции, войны, завоевания и т.д.; в нормальном, стабильном обществе — семья, брак, образование, собственность и т.д.). Степень свободы социальных перемещений из одного социального слоя в другой во многом определяет то, каким является общество — закрытым или открытым.

Как было отмечено выше, сословность или социальные страты формируются в зависимости от положения группы людей в пространстве четырех координат, к которым относятся такие параметры, как доход, власть, образование и престиж. Нам кажется, что в само понятие страты необходимо соотносить в современном обществе с понятием «культура». К. Юнг писал, что «культура есть способ мышления» [29]. В XXI в. этот элемент будет, по-видимому, преобладающим при характеристике страт успешных стран, определяющим для ее самоидентификации, поиске новых путей развития.

Структура постсоветского социума достаточно изучена. Необходимо обратить внимание на следующие специфические группы, присущие исключительно российскому современному социуму и не имеющему аналогов с другими странами. Так, к «сословиям» новой формации можно отнести профессионально-отраслевые корпорации — компании-монополисты (типа Газпрома) и/или профессиональные группы, привязанные к одному из источников государственных ресурсов. Существование таких корпораций является реальным фактором социального деления современного российского общества. Очевидно, что их члены имеют общий интерес, связанный с их положением в стране и преуспеванием данной корпорации. Общий уровень зарплат в них значительно выше по сравнению с другими отраслями. Сложилась специфическая мораль и термины, характеризующие подобные сообщества, например — корпоративная этика.

Можно вычлнить и другой феномен социума — «молчаливое меньшинство», члены которого не хотят принимать современную мораль общества (вариант отверженных). Это «сословие» людей, у которых нет возможностей, а порой и желания, публично выразить свою позицию, в чем вина общества несомненна. Данный феномен — явление социальной немoty автор рассматривает как несомненный укор современному обществу (напрашивается аналогия с героями рассказа В.Г. Короленко «Без языка» [9]).

Поэтому именно в настоящее время особенно актуальными являются вопросы социального равенства и справедливости, открытости и честности выборов, независимости судов, преодоления коррупции и т.д.

К ключевым социоэкономическим проблемам России, как и СССР, относится насущная необходимость совершенствования системы образования, основной функцией которой во всем мире является создание и формирование элиты, необходимой для эффективного развития общества. СССР не смог создать экономиче-

ские и моральные стимулы для интеллектуальной элиты и, как следствие, войти в информационный мир. Резервы социалистической модернизации не были конструктивно использованы. Россия совершила глобальную ошибку в 90-е гг., не используя опыт прежних модернизаций и положительных черт, присущих советскому обществу (например, достижения науки и образования). Не удалось системно включить в социум и элементы рыночной экономики (например, «работающую» в интересах общества конкуренцию). Другая ошибка заключалась в уповании на частную собственность, прежде всего в сельском хозяйстве. В результате источниками выживания населения в постсоветской России стали натуральное хозяйство, разнообразные формы непрофессиональной, порой полукриминальной деятельности. Исчез советский средний класс, но не сформировался новый, на который могло бы опереться государство.

Принадлежность к определенной страте имеет субъективную и объективную компоненты, так же как и перемещение людей из одной страты в другую. Чем больше такое передвижение зависит от уровня доходов и власть придержащих, чем меньше на этот процесс оказывает влияние профессиональный престиж и образование, тем примитивнее и жестче структура социума. Отсутствие социальных лифтов приводит к необратимым социальным взрывам. И если доминирование дохода и власти в структуризации социума на ранних исторических этапах было совместимо с его выживанием, то в постиндустриальных обществах оно является признаком глубокой структурной деградации. Признаки такой деградации известны: например, об образовании свидетельствует не уровень квалификации, а формальные дипломы о нем.

В административном корпусе современной России довольно распространены родственные династии. Первоначально благодаря социальным лифтам они весьма широко пополнялись «со стороны» и попавшие в них представители других страт передавали свой статус детям, но уже через поколение основное его ядро составили потомственные члены. Так, в советское время, несмотря на идеологические установки и политику пролетаризации, существование институтов красной профессуры и приема в учебные заведения согласно происхождению, со временем сформировался ряд престижных социальных групп, имеющих целый набор привилегий. Например, среди ученых и работников гуманитарных, медицинских и педагогических отраслей степень насыщенности выходцами из своего окружения была значительной. Особенно этот процесс усилился в последние десятилетия перед распадом СССР. Весьма сильными были традиции семейственности в военной и дипломатической среде (к началу перестройки более 2/3 чинов МИДа имели родственников в той же системе).

В связи с возникшей традицией «все связано со всеми», новые советские сословия были связаны взаимными товарно-денежными отношениями обеспечения и обслуживания. В каждом сословии имелась часть, обеспечивающая (для властных) и обслуживающая (для невластных) другие сословия и получающая за это свои дополнительные доходы — жалованья, зарплаты, гонорары и др.

К этому необходимо добавить, что произошла подмена престижа профессионализма престижем дохода и принадлежности к властным структурам. Ни профессионально-должностной статус, ни уровень образования, ни квалификация не являются пока в современном российском обществе определяющими и детерминирующими факторами.

Особо опасным в связи с вышеизложенным нам видится распространение родственных династий в академических структурах, ответственных за организацию науки, аналитическую и прогностическую функции развития социума и госу-

дарства. Эти проблемы, по мнению ряда историков, имеют важное значение для России, поскольку на протяжении нескольких последних веков в российском государстве наблюдается периодическое повторение социальных кризисов, в основе которых лежат периоды выстраивания властной вертикали с последующим ее разрушением [15].

Противоречия между социальными группами в любом обществе обусловлены дисгармонией между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми ими. В полиэтничных странах модернизация способствует обострению национального вопроса. Это имеет следствием увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причем, чем быстрее и успешнее идет модернизация, тем выше уровень конфликтности и политической нестабильности. Россия не является исключением. Общество нивелирует социальные меньшинства, «отнимая» у них собственный язык, на котором они могли бы обсуждать свои проблемы, согласовывать интересы, выражать самоидентичность. Современное европейское общество выработало механизмы, если не решения, то смягчения подобных противоречий, чего, к сожалению, нельзя сказать о России. При этом в нашей стране идет активный процесс расслоения общества по имущественному признаку, что в свою очередь ведет к росту социальной нестабильности общества.

Стратификация российского государства— от Великих реформ (1861) до Великого террора (1937)

Россия достаточно долгое время существовала в рамках традиционного (аграрного) общества, одной из характерных черт которого является его сословная структура.

Как в российской, так и в зарубежной историографии [30] существует несколько точек зрения на социальный строй в России. Одна из них — точка зрения В.О. Ключевского о том, что только к XVIII в. в ходе социального, политического и экономического развития страны сформировался сословный строй. Государство содействовало формированию сословий ровно на столько, насколько это требовалось в ходе объективного развития исторических событий [6]. В результате Великих реформ 1860-1870 гг. сословный строй начал постепенно разрушаться вследствие того, что сословия стали трансформироваться в классы.

Несомненно, что до принятия Соборного Уложения 1649 г. отдельные социальные группы различались преимущественно обязанностями. В данном документе были зафиксированы права (привилегии) служилых людей с целью закрепить за ними постоянные государственные обязанности и постоянное место жительства. Однако принятие Уложения отнюдь не говорит о сложившейся социальной структуре Московского государства. В условиях «всеобщего крепостного права» какая-либо группа с устоявшими традиционными правами, не говоря уже о их законодательном закреплении, отсутствовала. В России было одно «сословие» — подданных, нормы жизни которого регулировались традициями, общиной и зависимостью от господина, в лице которого могла выступать и коронная администрация. Формирование сословия дворян можно отнести ко времени подписания Екатериной II Жалованной грамоты дворянству, даровавшей ему помимо обязанностей определенные права («вольности»). Окончательное оформление других сословий относится к более позднему периоду. Практически одновременно с оформлением сословий шел процесс их стратификации.

Принадлежность к сословию, права и обязанности каждого из его членов в России были связаны с родовой принадлежностью, закреплялись традициями, а с 1832 г. Сводом законов Российской империи (Т. IX — «Законы о состояниях»). Закон определил четыре главных сословия: дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели [18]. Эти сословия никогда не составляли единого целого, а стратифицировались по разрядам, различным по своему юридическому положению, данная стратификация общества основывалась на многих аспектах, например, собственность, место жительства, вероисповедание и т.д. Высший статус имело дворянское сословие. Оно традиционно считалось опорой трона и государства. Одна из статей Свода законов гласила: «Дворяне, первая опора престола, принадлежат к высшему и большей частью просвещеннейшему классу жителей и, посвящая почти всю жизнь свою государственной службе, составляют и вне оной одно из надежнейших орудий правительства» [18]. Социальная мобильность даже в XIX в. была затруднена, но тем не менее она являлась фактом российской истории. Так, литератор, ученый и общественный деятель Н.Г. Чернышевский, будучи сыном священника и дослуживши до класса титулярного советника, «перешел» в дворянское сословие. После ареста и обряда гражданской казни он «выбыл» из него, но после возвращения из ссылки был восстановлен в своих правах и сословной принадлежности.

Сословия в России юридически перестали существовать в 1905 г. в связи с изданием Манифеста Николая II, но присущая сословиям структура мировоззрения изменялась более медленно и болезненно.

К началу XX в. Россия была еще далека от правового государства, но тенденция гуманизации, правового обеспечения социального жизнеустройства и государственного управления проявлялись уже во второй половине XIX в., начиная с Великих реформ Александра II.

До падения Российской империи дворянство в количественном составе лидировало в государственных структурах. Государство поддерживало их не только экономически. Специальная сеть элитарных учебных заведений в России была предназначена для детей дворян. Она включала Александровский (Царскосельский) лицей, Училище Правоведения, Пажеский корпус, Институт (Смольный) благородных девиц и другие учебные заведения³.

Замкнутость дворянского сословия, по мнению автора, существенно сдерживала темпы экономического развития российского государства. Косвенным подтверждением чего является опыт западноевропейских стран, в ряде которых завершился процесс утверждения конституционно-монархических форм правления, в результате чего для общества стала характерна социальная мобильность.

Россия, как утверждают историки, была не только площадкой для непродуманных экспериментов, но и взвешенных реформ. Так, Екатерина II созвала Уложенную комиссию, которую автор рассматривает как первый комитет по освобождению крестьянства от крепостного права, власть была убеждена в необходимости отмены системы личной зависимости, но потребовалось более ста лет для реализации этого желания царей. Позднее Николай I, иницируя реформу государственных крестьян, собирался освободить и частновладельческих, но смог только завещать сделать это своему наследнику Александру II.

И только в 60-е гг. XIX в., когда совпали несколько обстоятельств — поражение в Крымской войне, расстройство финансов, неудобство перед просвещенной

³ Автор отмечает, что в сфере образования подобные привилегии имели детиomenclатурных сотрудников Советского Союза.

Европой, рост общественного недовольства — начались реальные подготовка и проведение реформы. Экстремальность ситуации государства ощущалась не только императором, но и передовой общественностью. Что подтверждается риторическим вопросом, сформулированным петрашевцами: «Доколе перед лицом просвещенной Европы мы будем сохранять позорное крепостное право?». Чувство вины за отсталость страны было характерно для многих категорий населения России, но для либеральной интеллигенции в первую очередь.

Крестьянская реформа 1861 г. поставила вопрос о необходимости ведения хозяйства на земле по-новому, о внедрении впервые в широкую практику земледелия передовых достижений аграрной науки. После отмены крепостного права в 1861 г. и в последующие годы проведения преобразований местного управления, судопроизводства и других сфер общественной жизни многое в России изменилось. Однако сохранялось сословно-иерархическое ранжирование. Люди не были равны юридически. Их положение (статус) был законодательно определен принадлежностью к конкретной общественной группе — сословию.

Освобождение крестьян — самое значительное событие правления Александра II, получившего при жизни почетный титул Освободителя. На его счету много и других реформ, приблизивших Россию к конституционной монархии — правовому государству, среди них земская, судебная, военная, финансовая и др. Были значительно изменены цензурные правила. После отмены крепостного права произошло экономическое возрождение России. В 1861-1913 гг. темпы экономического развития стали сопоставимы с европейскими⁴. Национальный доход за эти годы увеличился в 3,8 раза, а на душу населения — в 1,6 раза (табл. 1). И это несмотря на огромный естественный прирост населения. Население империи увеличивалось за эти годы почти на 2 млн ежегодно. Значительный прогресс во всех сферах жизни был очевиден. Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Наиболее-

Таблица 1

Основные показатели социально-экономического развития России в 1851-1914 гг. (без Финляндии) [11]

Годы	Население, млн чел.	ВВП на душу населения, долл.*	Образование**		Средняя продолжительность жизни, лет
			грамотность, %	учащиеся, %	
1851-1860	73,5	701,0	14	1,4	27,1
1861-1870	78,4	675,9	17	1,9	27,9
1871-1880	91,7	666,4	19	2,3	28,8
1881-1890	110,6	679,9	22	2,5	29,7
1891-1900	125,8	790,7	28	3,5	31,2
1901-1910	147,6	928,1	33	5,5	32,9
1913	171,0	1036,0	40	7,9	36,0

* в долларах США 1989 года; ** без Польши и Финляндии.

⁴ В статье не ставится цель освещения проблемы циклического развития экономики, а рассматриваются только общие тенденции экономического развития страны.

шие успехи наблюдались в промышленности. С 1881-1885 по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 до 5,3%. Однако и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало среднеевропейскими темпами [10, 11, 25].

Ряд исследователей считает, что такое эволюционное развитие, сопровождаемое повышением благосостояния, несовместимо с революцией. Но, как ни парадоксально, вторая половина XIX — начало XX в. отмечены сильным ростом «освободительного» движения, имевшего крайне революционные формы. Та же тенденция характерна для конца XX и начала XXI вв. Одной из главных причин недовольства существующим режимом практически всеми категориями населения являлась «социальная незрелость» российского общества.

Трансформация Российского общества в 1861-1914 гг. развивалась по сценарию социального конфликта, его участники не брезговали никакими средствами, что в первую очередь было характерно для революционеров. Террористические акты против самодержавия оправдывала часть либералов. Они говорили и писали о том, что считают убийц Александра II «принадлежащими к лучшим русским людям».

Перманентная социальная напряженность в стране играла для противников мобилизующую роль, что впоследствии гениально использовал В.И. Ленин. Лидер большевиков считал, что конфликт между классами способствует укреплению внутригрупповой партийной солидарности и следовательно сохранению группы. Он, как и И.В. Сталин впоследствии, сознательно прибегал к поискам внутренних и внешних врагов и искусно манипулировал мнимыми и реальными противоречиями.

В России оппозиционными коронной администрации были крестьяне, рабочие, значительная часть дворянства и купечества и прежде всего разночинская интеллигенция. Как показали последующие события, экономические достижения не успели еще в достаточной степени изменить образ жизни и ментальность населения. К сожалению, оппозиционные выступления настолько усилились, что в конечном итоге привели к революциям начала XX в. Одно из объяснений данной ситуации видится автору в том, что в стране шел активный процесс трансформации социума.

В результате его в России возникла новая социальная группа, которую можно назвать «оппозиционно-либеральной интеллигенцией». Это определение не являлось синонимом «интеллектуала», так как ее характеризовали жесткая мировоззренческая ориентация, направленная против государственных структур и желание переустроить мир на новых, справедливых социальных началах. Всю либеральную общественность в России изначально отличало критическое отношение к реальной политической и социальной системе. Характер подобных представлений и ценностей Ф.М. Достоевский назвал «идеологией государственного отщепенства». До 1917 г. подобные воззрения разделяли различные круги страны, и немалое число людей фетишизировало революцию, которая должна была привести, по их мнению, к социальному преобразованию страны. Об этом в эмиграции написал С.Л. Франк: «В ту эпоху преобладающее большинство русских людей из состава так называемой интеллигенции жило одной верой, имело один смысл жизни: эту веру лучше всего определить как веру в революцию. Русский народ — так чувствовали мы — страдает и гибнет под гнетом устаревшей, выродившейся, злой, эгоистической, произвольной власти... Главное, основная точка устремления лежала не в будущем и его творчестве, а в отрицании прошлого и настоящего. Вот почему веру этой эпохи нельзя определить ни как веру в политическую свободу, ни даже как веру в социализм, а по внутреннему ее содержанию, можно определить только как веру

в революцию, в низвержение существующего строя. И различие между партиями выражало отнюдь не качественное различие в миропонимании, а, главным образом, различие в интенсивности ненависти к существующему и отталкивания от него, — количественное различие в степени революционного радикализма» [23].

Прозрение для большинства представителей этой социальной группы наступило только после революции и прихода к власти большевиков. П.Б. Струве писал о том, что интеллигенция «натравливала низы на государство и историческую монархию, несмотря на все ее ошибки, пороки и преступления все-таки выражавшую и поддерживавшую единство и крепость государства» [19]. С.П. Франк отмечал, что российский либерализм был проникнут чисто отрицательными мотивами и чуждался положительной государственной деятельности; его господствующим настроением было будирование во имя отвлеченных нравственных начал против власти и существовавшего порядка управления, вне живого сознания трагической трудности и ответственности всякой власти. Известен приговор Ф.М. Достоевского того времени: «вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не затрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала» [2]. Игнорирование и незнание конкретных исторических условий делали русских либералов абсолютно беспомощными в периоды обострения социальной ситуации при малейшем соприкосновении с социальной стихией.

Народофильство интеллигенции оказалось не только мировоззренческим преувеличением, но и политически опасным заблуждением, что обнаружилось в процессе революции. Общинная психология, которую не сумела изжить Россия за короткий срок ее только начавшегося распада, не включала уважительного отношения не только к личному материальному благополучию отдельных членов общины, но и вообще к любому индивидуальному выделению, «возвышению» над остальными, над «сельским миром», так же как и к самой жизни отдельной личности. «Крестьянская ментальность» определила российскую историю XX и, по-видимому, оказывает свое влияние и в веке XXI. Это хорошо понимал Л. Троцкий и взял на вооружение И. Сталин, проводя коллективизацию. Общинная ментальность способствовала утверждению власти большевиков, сумевших ее «просчитать» и использовать в своих интересах.

Ускоренная модернизация привела к социальной деформации. Крестьяне-общинники в массе были не в состоянии на протяжении жизни одного-двух поколений превратиться в фермеров-единоличников. Раскрестьянивание только способствовало возникновению маргинальной социальной среды, восприимчивой к радикальной пропаганде и к безответственности. Например, в декабре 1910 г. в имперской столице проживало около 2 млн чел., среди них крестьян значилось более 1 млн 300 тыс. Подавляющая часть этой группы — рабочие столичных предприятий, прислуга, мелкие служащие. Готовность их к любому безответственному социальному действию показали события февраля — марта 1917 г. Потенциальная опасность маргинализации масс, обусловленная резким изменением социального строя, была провидчески описана Ф.М. Достоевским: «Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, а ибо нет у нас надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются» [3]. Гениальное прозрение писателя даже после его смерти пугало большевиков, они запретили переиздание части его произведений, в т.ч. великого произведения «Бесы».

К сожалению, провидческое предсказание писателя во многом сбылось. Формально в Советской России одним из первых декретов провозглашалось равенство всех категорий населения [1]. Но, как показала реальная практика большевистской политики, Россия вышла (ВОЗВРАТИЛАСЬ) на очередной цикл социального развития: все население стало представлять собой единое (достаточно монолитное) сословие, точнее структура страны, как и в Московском государстве, стала бессословной и бесклассовой⁵. Бессмысленно абсолютизировать данные процессы и утверждать об их полной идентичности. Но их общая сущность одинаковая — общинность, религиозность (в советский период идею Бога заменила фетишизация Сталина), отсутствие значительной социальной дифференциации и др. Различия, как и у тяглого населения России в XVI в., были в обязанностях, а не в правах, несмотря на наличие самой демократической Конституции 1937 г. [8].

Сравнительный анализ структуры общества, условно названной бессословной, демонстрирует три принципиальных отличия. Во-первых, бесправие отдельных категорий населения в СССР по сравнению с царским периодом было более значительным. Так, согласно источникам [16] в 1930-1953 гг. через лагеря и колонии ГУЛАГа прошло около 17,8 млн чел., в т.ч. 3,4-3,7 млн по политическим мотивам. Во-вторых, в результате культурной революции была сформирована творческая советская личность (свой весомый вклад в этот процесс внесли Великая отечественная война и хрущевская оттепель). При этом необходимо учесть тот факт, что культурные изменения диктовались необходимостью развития экономики в первую очередь отраслей тяжелой промышленности. Лучшие представители советской интеллигенции не вписывались в общинно-сталинскую идеологию и практику Советской России, что впоследствии и ускорило кризис 90-х гг. И, наконец, в-третьих, значительно быстрее наступил очередной виток стратификации общества. По мнению автора, в брежневский период советский социум был уже достаточно размытым, хотя преобладающим оставалось сельское население.

Аграрные реформы в России в XX в. и их последствия

Россия на рубеже XIX и XX вв. может быть отнесена к аграрным странам, хотя промышленно-ремесленный сектор экономики в стране активно развивался с конца XVIII в. Великие реформы Александра II дали активный толчок развитию этой сферы экономики. Так, с 1880-х гг. по темпам экономического роста Россия перегнала европейские страны. При высоких темпах роста населения и экономики в стране происходило существенное повышение благосостояния всех сословий, в т.ч. и основного и наиболее массового — крестьянства. Одним из показателей данного процесса является массовая скупка земли крестьянами. За 1862—1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн десятин земли, заплатив за нее 971 млн руб. Количество зерна, оставляемого крестьянами на собственное потребление, увеличилось на 34% [11].

Изменялись условия существования и нормы поведения различных категорий населения. Социальные нормы стали размытыми. Многие социальные связи разрушались. Социальный контроль над человеком со стороны как общин, так и управленческих структур слабел. При общем повышении благосостояния завышенные человеческие потребности и реальные возможности их удовлетворения пришли в противоречие. Экономисты и общественность России, как и правительство, не могли не видеть происходящих перемен.

⁵ Согласно официальной советской идеологии в СССР было два класса: рабочие, колхозное крестьянство и социальная прослойка — советская интеллигенция.

Напряжение увеличивалось по мере роста общего благосостояния, индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и ослабления цензуры. Реформы П.А. Столыпина⁶ имели целью создать «великую Россию», разрешив/смягчив противоречия в обществе. Аграрная реформа в России при сохранении помещичьего землевладения, способствовала развитию сельского хозяйства, экономики в целом и в конечном итоге вела к укреплению государственности. Столыпин проводил политику предоставления крестьянам льготных государственных кредитов, ликвидации системы общинного землевладения. Он пытался сделать государственным каждым жителем России, а не только часть элиты. Все это способствовало тому, что Россия вошла в пятерку передовых стран мира.

Царское правительство в очередной раз пыталось провести модернизацию страны, но, достаточно объективно оценивая столыпинские реформы, боялось как разрушения сельской общины (исторической опоры самодержавия), так и пролетаризации крестьянства. Оно препятствовало формированию социальной категории зажиточных крестьян, которых Столыпин рассматривал как опору самодержавия. К сожалению, перед первой мировой войной реформы Столыпина были практически свернуты.

Во время войны нестабильность в российском обществе достигла критического уровня, что было непосредственно связано с ухудшением условий жизни, неудачами на фронте, большими военными потерями, что в конечном итоге стало, по нашему мнению, заглавной причиной падения монархии. Ее предали все, начиная от генералов, кончая некоторыми представителями царской династии. Большевики «подняли» брошенную всеми власть и удержались у нее, ловко используя недовольство крестьян существующим режимом. Аграрный вопрос был в XX в. не менее важен для России, чем в XIX.

Между существующей в стране в начале XX в. аграрной субкультурой и быстро прогрессирующими структурами индустриального общества возник явный дисбаланс, имевший прямые политико-экономические последствия. В первой трети XX в. было разработано несколько политико-экономических моделей решения этой задачи, причем, по существу, речь шла не только и не столько об экономических концепциях — моделях оптимальной экономической реконструкции и концентрации материально-технических ресурсов. Они неизбежно становились политическими — самореализующимися или самотормозящимися программами-прогнозами.

Наиболее значительными являются: 1) «столыпинская» реформа — в эволюционном плане она представляет переформатирование системы горизонтальных (внутрисистемных) отношений на основе резкого возрастания удельного веса конкуренции между субъектами экономической деятельности; 2) «сталинская» сплошная коллективизация — гомогенизация, по существу — элиминация горизонтальной структуры и замена ее вертикальной, административно-командной субординацией; 3) чаяновская концепция (попытка дать волю) реструктуризации взаимоотношений между крестьянскими хозяйствами на основе развития кооперативного движения.

В начале прошлого века А.В. Чаянов [26-28] впервые обнаружил и описал механизмы формирования аграрной субкультуры (цивилизации) и наглядно показал, что ее формирование тесно связано с переплетением этнических, культурных, личных особенностей крестьян, и спецификой эколого-географических условий, в которых она развивается.

⁶ Деятельность П.А. Столыпина, как и конкретные его реформы, достаточно изучена, но однозначной оценки не имеет [5, 14, 34].

А.В. Чаянов подчеркивал, что крестьянское хозяйство, в основе которого лежит труд семьи, остается постоянной составляющей всех экономических систем, т.е. крестьянское хозяйство относительно устойчиво и самодостаточно. Оно в основной своей массе не исчезает, а сохраняется как особая производительная сила. Это привело А.В. Чаянова к мысли о необходимости общегосударственной организации продовольственного дела — от заготовок у сельскохозяйственных производителей до распределения среди потребителей. В кооперации выделяет А.В. Чаянов две стороны: первая — это организационно-хозяйственная — кооператив как предприятие, и вторая — социальная — в которой кооперация — форма общественного движения. Говоря о кооперативном предприятии, А.В. Чаянов подчеркивал, что оно не самодовлеющее предприятие, а предприятие, обслуживающее своих хозяев и их интересы. Это то, что потом будет названо корпоративным интересом — этикой. Чаяновская теория в определенной степени выглядит аналогом методологии Столыпина, направленной на последовательные эволюционные преобразования, однако радикальнейшим образом отличалась от нее по содержанию.

Позднее А.В. Чаянов в докладной записке, составленной по запросу комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), выделил два основных типа эволюции сельского хозяйства, сформировавшихся к началу первой мировой войны, — американский и восточный. Основными характеристиками первого из них служат дешевая земля, относительно дорогая рабочая сила, экстенсивное малотрудоемкое земледелие с крупными капиталовложениями и широкомасштабной механизацией. Отличительные черты второго — дорогая земля, дешевая рабочая сила, сверхинтенсивная трудоемкая система земледелия при практически полном отсутствии механизации. Аграрная эволюция Соединенных Штатов Америки протекала в целом в уникальных условиях параллельно развитию товарно-рыночной системы. В отличие от этого, сельское хозяйство Российской империи представляло собой порайонный конгломерат с преобладанием тенденции развития либо по американскому, либо по восточному типу. Демографическая структура страны формировалась вне зависимости от рыночных зон, поскольку основными факторами, определявшими плотность населения, были плодородие почв и величина военной опасности в том или ином районе. Начавшееся во второй половине XIX в. динамичное развитие рыночной системы привело к возникновению зон с более высокой или более низкой плотностью населения, чем это было экономически оправданным, поскольку существовавший демографический дисбаланс был слишком велик, чтобы быть быстро ликвидированным за счет миграционных процессов. В основном в северных (промышленных) регионах империи развитие аграрной отрасли более соответствовало, по мнению А.В. Чаянова, «восточной», а в южных и юго-восточных — «американской» модели [26, 28].

Историческими судьбами России было предопределено связать сельское хозяйство не с именами П.А. Столыпина и А.В. Чаянова, а с именем И. Сталина, под руководством и активным участием которого в стране была проведена сплошная коллективизация, она вписалась в общий механизм экономики мобилизационного типа и предоставила в руки режима финансовые ресурсы для быстрого повышения военно-политического потенциала страны. Однако цепь долговременных деструктивных социополитических, генофондных и экономических последствий оказались слишком глубокими, приведя, спустя несколько десятилетий, к системному кризису. Проведение политики сплошной коллективизации сопровождалось значительным уменьшением поголовья крупного рогатого скота, валового сбора и падением урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур (табл. 2, 3, 4) [13].

Т а б л и ц а 2

**Производство зерновых культур в расчете на душу населения
в России, США, Германии и Франции, кг**

Страна	1831-1840 гг.	1887-1888 гг.	1913 г.	1921 г.	1929 г.	1939 г.
Россия	432	475	727	502	422	448
Германия	209	314	468	283	387	355
США	853	1109	980	1026	875	784
Франция	332	420	434	382	432	442 (1937 г.)

Т а б л и ц а 3

Экспорт зерновых культур, в среднем млн т

Страна	1820-1829 гг.	1850-1859 гг.	1880-1889 гг.	1909-1913 гг.	1920-1929 гг.	1930-1939 гг.
Россия	0,279	1,530	6,980	10,192	0,846	1,945
Германия						
США	0,180 (1827-1836 гг.)	1,100 (1857-1866 гг.)	4,700 (1877-1886 гг.)	4,042	7,930	
Франция	0,201	0,212	0,021	0,043	0,046	0,473

Т а б л и ц а 4

Количество крупного рогатого скота, млн гол.

Страна	1830 г.	1850 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1913 г.	1920 г.	1929 г.	1939 г.
Россия	19,0	21,0	27,3	25,5	31,7	32,0	45,9	58,2	53,5
Германия	9,8	11,3	15,8	17,6	18,9	21,0	16,8	18,0	19,4
США	8,1	31,1 (1870 г.)	43,3	60,0	59,7	56,6	70,4	58,9	66,0
Франция	6,7	12,2	13,0	13,6	14,5	14,8	13,2	15,6	14,2

Главным итогом коллективизации, по нашему мнению, стало превращение крестьян-единоличников в колхозное крестьянство, в самую многочисленную составляющую бесправной «всесословной» массы сталинской России, а также их широкий геноцид.

Можно сделать вывод о том, что в России движущим фактором развития на протяжении более чем трех веков была Власть, которая прежде всего стремилась к поддержанию высокого военного статуса государства. Именно этим объяснялись ее неоднократные попытки провести модернизацию экономики ЗА СЧЕТ КРЕСТЬЯН-СТВА. Отсюда, на наш взгляд, нерешенность аграрного вопроса.

В заключение следует отметить, что социальная стратификация общества изначально была связана с его подразделенностью в четырех базовых координатах —

власть, собственность, образование, социальный статус. Последствия реформ, в т.ч. и социальных, проводившихся властными структурами, были порой непредсказуемы и противоположны ожидаемым. Именно социальная незрелость, которую исследователь Б.Н. Миронов [13] назвал «социальной молодостью», привела Российскую империю в начале XX в., а затем СССР в 90-е гг. к системным кризисам. Только соответствующее экономическим потребностям социальное развитие общества может обеспечить стабильное развитие всех его сфер.

Библиографический список

1. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 627 с.
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник. Статьи. Записные книжки. Том 1. 1845 — 1875 гг. М.: Захаров, 2005. 480 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 10 тт. Том 10. М., 1958. 720 с.
4. *Ильин В.И.* Теория социального неравенства (структуралистско-конструктивистская парадигма). М., 2000. 320 с.
5. *Коеальчежо ИД.* Столыпинская аграрная реформа: (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. №2. С. 52-72.
6. *Ключевский В.О.* История сословий в России//Ключевский В.О. Соч.: в8т.М.; 1958. Т. 6 С. 276-292.
7. *Кондратьев НД* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предвар. эскиз / подгот. В.В. Ивановым, М.С. Ковалевой; АН СССР. Ин-т социологии; Комис. по науч. наследию Н.Д. Кондратьева. М.: Наука, 1991. 570 с.
8. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) (в редакции от 11 декабря 1975 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1 марта 1937 г. N 2.
9. *Короленко В.Г.* Повести и рассказы. М., 1986. 544 с.
10. *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. №1. С. 97-117.
11. *Миронов Б.Н.* Русская революция 1917 г в условиях экономического чуда: по классическому сценарию? URL: <http://www.intelros.ru/readroorn/otechestvennyye-zapiski/ol-2012-/14859-russkaya-revoljuciya-1917-g-v-usloviyah-ekonomicheskogo-chuda-po-klassicheskomu-scenariyu.html>.
12. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): В 2 т. 1 т. СПб., 2000. 549 с.
13. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): В 2 т. 2 т. СПб., 2000. 568 с.
14. *Пашков В. П.* Формы земельной собственности и ее экономической реализации в сельском хозяйстве. Саратов, 2011. 203 с.
15. *Пивоваров Ю.С.* Авторские материалы. URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/32613.
16. Полиция и милиция в России: Страницы истории / А.В. Борисов [и др]. М., 1995. 318 с.
17. Реформы или революция? Россия 1861-1917 / под ред. В.С. Дякина. СПб., 1992. С.67-150.
18. Свод законов Российской империи. СПб, 1912. 16 т. В 5 кн.
19. *Струве П. Б.* Избранные сочинения. М., 1999. 472 с.
20. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
21. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. 736 с.
22. *Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. 735 с.

23. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 226-233.
24. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. 511 с.
25. Хок С. Мальтус: Рост населения и уровень жизни в России. 1861-1914 годы // Отечественная история. 1996. №2. С. 28-54.
26. Чаянов А.В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с довоенным положением и положением капиталистических стран, 6 октября 1927 г. // Известия ЦК КПСС. 1969. № 6. С. 211-215.
27. Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1993. 590 с.
28. Чаянов А.В. Организация сельскохозяйственного опытного дела РСФСР в 1917—1927 гг. Л., 1928. 319 с.
29. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. 304 с.
30. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. 1986. Vol. 91. №1. P. 11-36.
31. Taranovski Th. Stolypin's Agrarian Reform // Reform in Modern Russian History. Progress or Cycle? New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1995. P. 139-162.

SOCIAL STRUCTURE AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA:
INTERDEPENDENCE AND INTERCONDITIONALITY
(RETROSPECTIVE OUTLOOK)

V.I. GLAZKO

(RTSAU named in honour of K.A. Timiryazev)

Problems of the country's self-identification, interrelation between both society structure and dynamics of its economic development are reviewed. Author's point of view on social structure specificity of the Russian empire is given. A hypothesis about cyclic nature of stratification processes is presented. Features of transformation processes in Russia from the latter half of the 19th century to the first half of the 20th century are analyzed.

Keywords: stratification, society, Russia, economic development.

glazko Валерий Иванович — д. с.-х. н., проф., акад. РАСХН (иностр. член), руководитель Центра нанобиотехнологий РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева (125550, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49; тел.: (499) 976-03-75; e-mail: glazko@gmail.com).